

РОССИИ НУЖНА НЕ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, А ТЕРПИМОСТЬ

Валерий Подорога

ВАЛЕРИЙ ПОДОРОГА — российский философ, доктор философских наук. Профессор РГГУ. Заведующий сектором аналитической антропологии Института философии РАН

■ На Западе сегодня повсеместно критикуется политкорректность. Многие говорят о ее кризисе. Как вы полагаете, возможно, политика политкорректности нуждается в защите как важная составляющая западной культуры?

Думается, термин **политкорректность** нуждается в некотором уточнении: *быть корректным* — значит быть *вежливым, предупредительным, интеллигентным*, но в то же время быть *точным, предсказуемым* и, наконец, *способным к коррекции* (исправлению) собственного поведения. Возможно, последнее — главная черта **политкорректности**, т. е. изменять правила *правильного* поведения в зависимости от политической ситуации.

Действительно, сейчас во многих зарубежных книгах и статьях обсуждается идеология политкорректности. Но частую критику этой **идеологе-**

мы затмевает главное в ней. Политкорректность — это эволюционно-культурное понятие. Запрос на него шел от тех массовых слоев общества, где противоречия особенно сильны.

Но, когда это понятие заимствовали высшие слои, так называемые элиты, оно превратилось в орудие манипуляции по отношению к тем различиям, которые существовали, существуют и будут существовать в каждом обществе. Поэтому здесь мы попадаем в странную ситуацию. С одной стороны, политкорректность — это признание Другого и наших с ним различий, это уважение границ между людьми (национально-этнических, политических, религиозных и пр.), это отстаивание универсального принципа человеческого равенства, о котором мечтали все просветители. Но, с другой стороны, обнаруживается паразитарный характер политкорректности, ее искусственность и очевидная двусмысленность, чем, кстати, не перестают пользоваться правительства, общественные структуры, религиозные и политические лидеры, бизнес-корпорации, университетское сообщество и так далее.

От первого общекультурного образа политкорректности нельзя отказываться, поскольку он участвует в снятии глубинных противоречий современного общества. Но именно этот образ становится жертвой другого образа политкорректности, который стал сегодня идеологией лицемерия. По замыслу политкорректность должна была заместить традиционный тип западной этики именно в силу неспособности последней изменяться, сохранять в новых условиях веру в высшие человеческие ценнос-

ти. Упадок веры заменен чисто внешним, показным поведением человека, следующего определенным нравственным правилам, которые изменяются в зависимости от политической ситуации. Не быть, а казаться.

■ Современное общество становится все более сложным. Как управлять этим обществом? Есть ли какие-то механизмы ликвидации тех противоречий, которые грозят обществу разрушением?

Г-жа Меркель, канцлер Германии, весьма неожиданно признала, что предыдущая западноевропейская миграционная политика была ошибочной и что обострившиеся за последние годы противоречия в немецком обществе больше не могут быть «замаскированы» лживой формой политкорректности. Но как ответить на вызовы времени, не допуская углубления противоречий? Это действительно проблема, и серьезная! Западные страны просто не знают, что делать с потоком не поддающихся ни интеграции, ни ассимиляции мигрантов. Пока власти западных стран частично закрывают границы, сокращают миграционные квоты, вводят запреты, провозглашают новые требования к негражданам. Однако, на мой взгляд, эффективной миграционной политики так и не выработано. Как это ни парадоксально, но западное общество и наше постсоветское, усложняясь, упрощаются. Требуются простые решения, но именно их и труднее всего принять, поскольку они затрагивают слишком многие интересы. Заметный распад политкорректных норм в западном обществе требует от правительств принятия новых

решений. Непринятие же их, оттягивание грозят социальной катастрофой.

■ *Можно ли утверждать, что политкорректность есть и в российском обществе? Если да, то столь же она лицемерна, как и западная? А если ее нет, то нуждается ли российское общество в ней?*

Природа западной политкорректности связана с традиционным протестантским ханжеством, которое белые ангlosаксы установили для себя в качестве нормы публичного поведения. Телесным выражением этой нормы в американских обществах стала постоянная улыбка, известная формула: *keep smiling*. Человек не должен высказывать недовольство жизнью в присутствии других, т. е. нарушать границы политкорректного поведения. Для другого — у него все замечательно (как бы ни было плохо). Как будто политкорректность оберегает чувства других, на самом деле она должна сделать нас неуязвимыми в конкурентной схватке. Такова скрытая логика политкорректного поведения на Западе.

Но мы живем на Востоке, в стране, в которой никто не доволен жизнью, которую многие из ее граждан очень не любят. Не отсюда ли наша открытость, «искренность» и откровенность в повседневном поведении? Мы не нуждаемся в лицемерии и ханжестве западной политкорректности. Да у нас и нет ничего подобного. Наше массмедийное сообщество критикует общество и власть столь упорно и без какого-либо снисхождения, что лишает и себя надежного будущего. Теперь у нас общество «без стыда и совести», освобожденное от всякой моральной ответственности, — от тех ценностей, которые позволяли людям выживать и при тоталитарном режиме, не теряя человеческого достоинства.

Только в семье (среднего до-

статка и не совсем еще уничтоженной) сохраняются ценности, без которых нельзя стать разумным и ответственным гражданином. **Политкорректность — это временная этика, относительный набор правил поведения на сегодняшний день.** Что можно и нельзя делать, как, где и что говорить — все это облекается в «правильную» форму поведения, которая постоянно меняется. Правда, в России сегодня политкорректными можно назвать лишь те формы поведения граждан, которые устраивают правящий политический класс. Замечу, чье общественное поведение пронизано невиданным ранее нигилизмом. Взять хотя бы проблему пробок...

■ *Валерий Александрович, во-первых, вы, наверное, слышали такой анекдот. Один человек говорит другому: «Все меня в городе знают, и водители буквально обращаются ко мне по фамилии». Другой говорит: «Да? Ну расскажи». — «Да я тут переходил дорогу, и водитель чуть*

(Смеется.) Может ли одной из норм российской политкорректности стать, например, пропуск водителями пешеходов на зебре? Ответу: да, водители стали пропускать... Правда, этому есть и совсем не «нравственное» объяснение: стояние в пробках, о которых вы упоминали. Раз уже стою, то почему не пропустить...

Я не знаю, насколько разумна программа по борьбе с пробками, предложенная новым мэром, — не знаю, чем это все кончится. Я также не знаю, насколько это управляемый процесс, но в любом случае с пробками что-то нужно делать. «Пробка» — это явление закончено антиобщественное, она не только стирает различия между людьми, но и подавляет, репрессирует, утомляет, уродует, извращает, обманывает, ставит ловушки и т.п. Это так ожидаемо, когда водитель, разъяренный стоянием в пробке, стремится ее объехать и при этом кого-то сбивает или, не поделив дорогу с другим водителем, решает его пристрелить. При такой уничтожаю-

Пробка — это та же очередь, но дефицитом выступает теперь свободное пространство; вместе с машиной надо покупать и время поездки, и дорогу, и место назначения

меня не сбил, но, когда он вышел из машины, сказал: «Для вас, козлов, переходов понастроили, а вы по шоссе бегаете. Вот так — по фамилии и на вы». Не кажется ли вам этот случай некой иллюзией политкорректности? Может быть, те, в чей адрес политкорректность должна проявляться, просто выдают желаемое за действительное?

И, возвращаясь к пробкам: не является ли желание нового мэра Москвы разобраться с ними примером того, что государство тоже может развивать политкорректность?

шей, почти криминальной силе пробок все население мегаполиса потенциально становится их жертвой. Пробки забирают у нас бесценное время позитивной человеческой энергии.

Помнится, когда-то заметное место в экономике социалистического дефицита занимала очередь (очередь-зачем-удобно). В чем же отличие «пробки» от «очереди» на эволюционной шкале постсоветского развития? На первый взгляд отличий нет. **Пробка — это та же очередь, но дефицитом выступает теперь свободное пространство; вместе**

с машиной надо покупать и время поездки, и дорогу, и место назначения. Иномарка — знак благосостояния, престижа, потребительского нарциссизма, но и верный способ заманить вас в «пробку» и оставить там навсегда. Такова плата.

Человек в пробке — это антиобщественное животное, и вытаскивать его из этой нравственной бездны, конечно, невозможно случайной нормой политкорректности. Как только мы обращаемся к выяснению причин, мы сразу же сталкиваемся с активным классом

часть общества, она учится управлять в новых условиях; она не в силах решать проблемы не только потому, что с ними никогда прежде не сталкивалась, но и по тому способу, каким она хочет управлять, а он, как известно, чисто азиатский, авторитарный и «ручной». Самые трудные проблемы задним числом кажутся разрешимыми, но в момент столкновения с ними они непреодолимы.

Когда мы сегодня судим 1990-е годы, мы забываем, что тогда люди просто не понимали, что вообще происходит, и действо-

взгляд, беспокоят сегодня российское общество?

На бытовом уровне проблем множество. Политкорректность — это, может быть, немного слабый термин для обозначения будущего нравственного развития общества. Если сказать более точно: политкорректность — это возможность выработки общегосударственной этики для общества. Ведь она означает и принятую норму поведения, и институт, закрепляющий ее в обществе, и практику применения для разных слоев общества. На Западе, как мы знаем, политкорректность покоится на формализации традиционного религиозного чувства. У нас этого нет. Хотя межэтнические и религиозные различия сегодня создают базу для сосуществования множества политкорректностей.

Другое имя политкорректности — *терпимость*. И это единственное, что, пожалуй, можно отнести к универсалистской этике, примиряющей между собой различные политкорректности. Привычный ряд ценностей иудео-христианской культуры больше «не работает» (или только локально, с большими допущениями). Думаю, что именно терпимость сегодня определяет статус политкорректности в нашем постсоветском обществе.

Не будем, однако, забывать, что как на Западе, так и на Востоке политкорректность выполняла функцию референции к богатству, экономическому и политическому положению элиты, невольно подчеркивая классовое разделение общества, и его относительное «смягчение» в жесте признания, которым сильный одаривает слабого: ты такой же, как я, только у тебя нет столько денег и столько власти, но разве это главное?! ■

Оторвавшаяся от общества правящая прослойка должна, если это еще возможно, прийти в себя и прекратить гражданскую войну

коррупцированного московского чиновничества, которое и является основным изобретателем метода управления жизнью города с помощью пробок. Этот класс сделал «откаты», «точечную застройку» и пробки неизбежным злом, с которым следует смириться, поскольку иначе управлять нельзя, — такова вывороченная наизнанку мораль правильного поведения (политкорректного). Хотелось бы обратить внимание на нашу рабскую привычку к плохому: «менее плохое» часто воспринимается как «очень хорошее». Вероятно, и «жизнь по понятиям» может восприниматься отдельными прослойками общества как вполне политкорректное поведение.

■ Хорошо, а созрело ли российское общество для политкорректности? Если нет, то сколько еще осталось?

Слово «созреть» здесь не очень удачное. Наше общество не «созревает», а эволюционирует и, естественно, сталкивается с громадным количеством новых проблем, к решению которых часто не готово. Власть —

вали «по умолчанию», по сути дела не соотносясь ни с какими законами гражданского общества. Даже то жалкое «гражданское общество», которое с трудом выжило в брежневско-горбачевскую эпоху, было сразу уничтожено новым, еще более радикальным социальным неравенством (становление авторитарно-олигархического режима). Вот одна из причин, почему мы не можем действовать с помощью западной политико-идейной рецептуры. Мы — другие, просто потому, что живем плохо и даже не знаем, как жить дальше...

Оторвавшаяся от общества правящая прослойка должна, если это еще возможно, прийти в себя и прекратить гражданскую войну. Демократизация — одно из следствий восстановления гражданского мира. В стране, в которой живут все, не должно быть врагов. Власть должна апеллировать к Разуму («здравый смысл»), а не к своему временному праву на власть, т. е. быть открытой, понятной, наконец, доступной для общества.

■ Спасибо... А какие проблемы политкорректности, на ваш

Беседовал Александр Павлов